

И о л а н т а
С е р ж а н т о в а
Н е р о м а н њ

12+

Иоланта Ариковна Сержантова

Не романъ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63382662

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-00140-678-5

Аннотация

Сборник рассказов, притч, новелл, эссе о природе, о войне и школьниках, размышления о человечности в людях и его отсутствии, о мыслях, которые, будто мошки, сколь не гони их, всегда где-то тут, неподалёку... Рекомендуются для внеклассного чтения по программе русского языка и литературы, этика и окружающий мир.

Автор – Член Союза писателей России, Член творческого объединения "Отчизна" Российского Союза ветеранов (Москва, Гоголевский бульвар, 4), кавалер пяти медалей, среди которых «За укрепление содружества» (патриотическое воспитание подрастающего поколения посредством создания произведений, воспевающих любовь к родному Отечеству.)

Финалист премии "Писатель года 2017" в номинации "Детская литература"; Спец диплом «За глубину и проникновенность прозы» Германского Международного Литературного конкурса русскоязычных авторов «Лучшая Книга года»(Берлин-Франкфурт, 2018) за книгу "Полустанок", Дипломант «Лучшая Книга года»(Берлин, 2020) за книгу "Родина Чувств".

Содержание

Справка	4
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Иоланта Сержантова

Не романъ

Справка

Закончилась вторая четверть первого класса. Остались позади скучные длинные уроки и весёлые короткие перемены. В те годы именно первый учитель должен был научить читать, но так как мать озаботилась моим образованием задолго до школы, то могу признаться честно, – мне было совершенно неинтересно наблюдать, как одноклассники мычат, вспоминая название очередной буквы, или произносят слова по слогам, коверкая их музыку. Для меня каждое слово имело свою мелодию, свой запах и цвет, и слышать фальшивые ноты было поистине мучительно. Поэтому, я радовался каникулам, как никто другой. Можно было читать с утра до вечера, не отвлекаясь на посещение уроков, ходить на новогодние представления и по троюродным родственникам, снимая с их ёлок шоколадные игрушки. Однако, пришлось-таки прервать череду прекрасного по своей сути ничегонеделания, чтобы отправиться в школу. Было необходимо заручиться поддержкой медсестры, и получить серый листочек с лиловой треугольной печатью, подтверждающий удовлетворительное состояние моего здоровья. Доктор пла-

вательного бассейна вторую неделю требовал эту бумажку, и грозился не допустить к занятиям, если я непременно не принесу её сегодня же.

Зима скрипела под ногами, как влажный коврик из каучука. Пока солнце отвернулось зачем-то, снег сиял неумело и белозубо, без того пошлого брильянтового шика, который сообщают ему обыкновенно звёздные лучи. Видеть двор школы вне муравейника выбежавших на переменку ребят, было непривычно. В промежутках между уроками, под окнами школы бегали почти все мальчишки, и некоторые девочки, те, кто посмелее. Кидали друг в друга снегом и даже наспех лепили снежную бабу, а когда, наполовину мокрые, с руками, такими же красными, как и щёки, возвращались в класс, то непременно находился шутник, который отправлял за шиворот сидящему впереди товарищу приличный кусок снега, от чего тот верещал, едва ли не срывая урок. Впрочем, прежде учителя были намного весомее нынешних, одним лишь взглядом они восстанавливали порядок, и занятия шли своим чередом, а о весёлой переменке напоминало лишь мокрое пятно промеж лопаток пострадавшего, да разухабистая снежная баба с тоненькими веточками вместо рук и кривой ухмылкой хлебной корки.

К окончанию первой смены, наскоро состряпанный снеговик распался на части, а улыбка доставалась к обеду расторопной вороне.

Пройдя через ворота, я приветливо помахал гипсовому пионеру с горном в руке у входа, и поднявшись по ступенькам, потянул за ручку двери. Разленившаяся за каникулы, она поддалась не сразу, но после недолгого сопротивления с неприятным скрипом впустила меня, всё же, в фойе школы.

Пустым, оно выглядело иначе и казалось не-знакомым. Его угловатые, будто слоновьи ноги, столбы, за которыми было так здорово прятаться на переменах, нависали в полутьме, угрожая затоптать, поэтому я поспешил повернуть в коридор, пройдя по которому, должен был добраться до спасительного кабинета, где обыкновенно проводила свои дни полная улыбчивая медсестра.

Я скоро шёл мимо знакомых дверей, с красиво выведенными на ромбиках надписями «1в», «1г». Мой класс был в другом крыле здания, но мы часто забегали и сюда. В каждой букве училось по сорок человек, и высоких потолков, воздуха, запертого под их сводами, едва хватало на то, чтобы вместить голоса и звуки шагов всех. Ныне же я не узнавал собственных, из-за стука сердца в ушах, который мешал слышать что-либо. Пытаясь немного успокоиться, я подошёл к окну коридора. Было неудобно врываться в кабинет врача в таком растрёпанном виде.

Тем временем, на улице сделалось мрачно, и крупными, как перья из подушки, хлопьями посыпался снег. Я принялся следить за его струями, и вспомнил вдруг, как ранней осенью, когда всё вокруг казалось выкрашенным жёлтой крас-

кой, рабочий, беливший школу, выпал из малярной люльки у меня на глазах. Мужчина упал так тихо, обыденно, без какого-либо постороннего звука, словно вещь, а сверху, с оглушительным грохотом на него обрушилось ведро.

В ужасе отскочив от подоконника, так, как будто бы всё это произошло минуту назад, я ощутил спиной что-то мягкое и охнул, решив, что натолкнулся на учителя, но это был не он. Обхватив меня сзади за шею, и не давая возможности повернуться, некто прошептал мне на ухо: «Будешь кричать, зарежу», и подталкивая вперёд, повел в сторону подвала, под лестницу, к забитой досками запасной двери. Этот пролёт был совсем рядом с кабинетом директора, и тем, куда направлялся я, и, если бы мне хватило решимости закричать, меня бы наверняка услышали...

– Ну, вот, молодец, а то всё «завтра, да завтра», – Похвалил доктор, принимая от меня справку. – Чего уж проще, сходил в школу и принёс!

Знал бы он, чего мне это стоило...

Тени

Луна вырезает кружево леса, и серой тенью раскладывает на столе земли. Она делает это весьма точно, прямо по его наружности, по контуру, листочек к листочку, веточка к веточке. И, всё же, что-то мешает счесть его совершенным. Нечто лишнее, не принадлежащее ему, пристроилось сбоку. Несмотря на то, что не совпадающая с абрисом

часть сливается с общими очертаниями, и, если ветер сдвигает их немного, перемещается вместе с ними, становится заметно отсутствие мгновенной одновременности истоков. Лёгкая пауза, размером в одну-тридцать вторую, не более того.

Так, владеющий певческим талантом, может спеть неведомую ему песнь подле того, кто исполнял её не единожды, – отслеживая зарождение звука, первый его трепет, что, собранный по сусекам тайных уголков сердца, касается струн голоса, позволяя вкусить¹ мотив.

– Ты не видишь, кто там прячется, в темноте?

– То кошка, прижавшись к упавшей на землю листве, старается слиться с нею.

– Она, седая с рождения, и так еле видна. Я едва не наступил на неё. Что ж она делает там? И так...

– Поджидает появление котят.

– Ах... хитрюга, знает, к кому идти.

Кошка лежит на одном месте и день, и ночь. Она глядит на всех глазами цвета осени. Прикрывая их иногда, чтобы присмотреть за малышами, открывает вновь, и кажется, будто ещё два жёлтых листа упали с дерева, и летят к её ногам. Вполне очевидно, что кошка хочет сохранить жар земли под своим неровно вздымающимся животом. Чтобы, когда при-

¹ Испытывать, ощущать что-л.

дёт срок, мир встретил новую жизнь теплом.

На расстоянии взгляда

Венера² являла нескромную, ничем необоснованную радость. Её небесное сияние выглядело почти непристойным, но, вследствие наивной несомненной искренности, не могло считаться таковым. Она светила не ради самой себя, но отражаясь в глазах любого, кто имел смелость встретиться с ней взором, рассыпала без корысти и счёта блестящие лучи, да перламутровые брызги, которые, превращаясь в росу или слёзы, стекали, как водится, вниз, на землю. Та питалась ими, поглощая без остатка, как всё и вся, приблизившиеся к ней слишком близко.

... Глазок деревянной двери дня очертаниями напоминал вид вечерней звезды. Через его ровные края, неравными порциями врывался свет, из-за чего ночь до самого рассвета не могла сомкнуть глаз, ибо это великолепие сокрушало чопорную простоту ночи, о которой она сожалела временами, и коей гордилась напоказ, ибо ничего другого не умела. Удел сдержанности воспринимался ею как должное лишь на людях, в самом же деле, вне навязанной ей участи, она была неудержимо весела и сумасбродна, и от того-то столь охотно распространяла своё покровительство на бездельников и повес.

Очевидность дня лишала их изрядной доли той отваги,

² поэтический символ любви и красоты

которой одаривала ночь, потому ходили неубранны и полу-сонны с самого обеда, в ожидании лучшего для них часа – наступления темноты. Но и тогда, омытое мыльной пенкой облака, свежее от приятности лицо Венеры, что, не таясь наблюдало за ними, смущало и приводило в замешательство. Сокрушаясь предательским потворством ночи, стеснённые сумерками неутолённых надежд, так и не отыскав повода для довольства, прятались они по домам, как по норам, в расчёте на то, что уж следующая ночь будет удачнее нынешней...

Все мы ищем причину для радости, но, рождённая в один миг с нами, она сияет непрерывно, напоминая о любви, которая во всём, что так недалёко. На расстоянии мысли, взгляда или навстречь³ протянутой руки.

Листья падали на тропинку...

Листья падали на тропинку, словно птицы, и так же, как они, после пытались взлететь, но, сколь ни старались, не выходило никак.

Привязанные к гнезду веток, по любви и по службе, листья испытывали не только глубокую приязнь⁴ к пернатым, но усердный⁵ интерес. С первых мгновений появления на свет, как только удавалось выпростать сладкие липкие ладо-

³ навстречу

⁴ дружелюбие

⁵ сердечно расположенный, заботливо относящийся к кому-л.

шки из пелён почек, листья хлопотали подле каждой птицы, что присаживалась под их сень, где в отражении сотен зелёных глаз, в тени уютных объятий, проходила жизнь.

Листьев восхищало тщание, с которым готовились птицы к семейному союзу, разборчивость невзрачных птах вызвала уважение, а расточительное упрямство щеголеватых, шикарных женихов смешило. Как могли, листья помогали разместить и обустроить детскую, под их же шумные аплодисменты вылуплялись птенцы. Не успокаиваясь на том, листья смыкали плотнее ветви во время ветра и дождя, собирали воду, чтобы измотанным беготнёй родителям не приходилось далеко лететь за водой, и ею же подманивали насекомых, дабы проще было прокормить малышку. Листва оберегала от холода, убаюкивала, однообразно шепча, и хранила в тайне ото всех место, где нашли приют быстро подрастающие птицы, а когда им пришла пора учиться летать, пыталась подсобить даже в этом. Листочки трепетали, подражая взмаху крыл, так что пухлые от сытости птенцы хохотали над ними взахлёб, а заметно осунувшиеся родители устало просили:

– Пожалуйста! Даже не пытайтесь!

Полное заботами лето тянулось, как один жаркий день, но, как только выпала последняя пушинка из оперения самого младшего из птенцов, шевелюра деревьев начала редеть понемногу, появилась нездоровая жёлтая седина...

И в тот день, когда птицы, покружив подле родного дома, отправились на зимовку за моря, вослед им началась суматоха листопада. Листья отчаянно рвались нагнать гомонящую стаю, но даже если бы ветер бросил все дела и вызывался их сопровождать, то вышло бы дурно, ненадолго, недалеко, — до первого поворота, до ближайшего оврага.

Листья падали на тропинку, словно птицы, и так же, как они, пытались взлететь, но, сколь ни старались, не выходило никак.

Цвета и краски...

Было неясно, запаздывает рассвет или медлит, но в тот самый час, когда заострившиеся черты леса не несли в себе никакой красоты, а одно лишь сплошное разочарование, осень решила прийти ему на выручку и принялась за дело сама.

В неярком свете её жёлтых, истрёпанных ветром бра и мутных торшеров, зелёных от плесени мошек, деревья степенно обретали привычные взору формы. Плоскость, та, что от глупости, удивительно мало шла к ним. Внешние очертания, сколь бы ни были причудливы и ровны, вне хитросплетения ветвей, без пышной кроны неисчислимых фраз, скрывающих чувство истины, казались вовсе лишёнными сути рассудка и разума; ответственности, происходящей из ответа за следствия поступи через брод, поперёк истечения реки бытия.

Говоря без околичностей лукавства, попросту, – двухцветная, предрассветная гравюра леса вызывала неподдельный, недоступный пониманию испуг. Её желалось миновать, как можно скорее, чтобы вновь забыться, наблюдая карусель перемены красок и теней, дабы не помнить неистощимого, беспредельно тоскливого ужаса встречи с собой. Лишённый цвета, мир пытается нас. Нуждаясь в непрестанном наполнении, мы теряемся, ищем себя, но так и не отыскав, безучастно замираем, ожидая хотя малого проблеска со стороны.

Цвета и краски... Так кому нужна сия перемена блюд?! Нам, не умеющим обуздать себя или лесу, что хорош в любое время дня и года?! С ироничным терпением, с мудрой покорностью сносит он всё стороннее, что касается его, но не тревожит никак. Имея в сердце понимание об себе, ему не нужно одобрения иных, а порицания... Что ж, они как гроза, которая всегда отыщет случай и причину излить своё негодование.

...Так и не дождавшись наступления зари, осень, переняв всеобщее беспокойство, захлопотала вновь. Она, казалось, тоже была бесполезно нервна, впрочем, как и мы.

Чувства

Она ходила взад-вперёд по комнате и, воздев милую головку к потолку, блестя глазами из-под приспущенных в мою

сторону век, с жаром говорила:

– Мне нравится честные, равнодушные люди, которые не стыдятся слёз, и плачут не от горя, но от сопереживания. От стороннего, не своего, не касающегося их волнения. Да так, что оно перестаёт казаться чужим, перестаёт быть им. Сочувствие – это так по-человечески, не правда ли?

Я молча покачал головой в ответ.

– Разве вы не согласны? С чем именно?

– Если кому-то нехорошо, и ты встревожен из-за того, в этом есть изрядная доля лицемерия.

– Но отчего же?

– Так проявляется опасение за себя самого.

– Я так не думаю. Бывает же, что сострадание, это не сиюминутное выражение чувств, но реальная, физическая боль.

– Не спорю, бывает. И в этом проявляется ещё большая любовь к самому себе.

Она глядела на меня с некоторым испугом и разочарованием. Я казался ей недалёким и чёрствым, не способным на жалость. Мне совершенно не хотелось расстраивать её, но, отыскав в себе решимость объясниться, заговорил:

– Если однажды в дождь вы увидите сидящего в луже котёнка, то что, кроме слов утешения, найдёте в своём сердце для него? Вы можете добавить к дождевой воде сколь угодно своей, от слёз не будет никакого проку. Отважитесь ли вы прижать вымокшего и грязного котёнка к своему светлому

пальто, замените ли ему мать, сказавшись на службе нездоровой? Я не спрашиваю, что будете чувствовать при этом, но что, что вы сделаете?!

По тому, как замерла она, стараясь не выдавать даже дыхания, я понял, что прав, угадал, нашёл верные слова, чтобы смутить, зародить в ней сомнение. Плохо скрыв замешательство, она-таки поинтересовалась:

– Так что, все чувства... такие?

– Какие? – Улыбнулся я.

– Корыстные.

– Пожалуй, что да. Почти что все. – Ответил я, и добавил, – Вот если который рад за другого, тогда это от сердца, от души, неподдельно. Мало кто умеет плакать в ответ чужому счастью, за тех, кому хорошо.

Мы помолчали немного, и я добавил:

– Так просто любить весь мир и сожалеть об нём, но делать то же самое для тех, кто рядом, – ох как непросто. Для этого надо совершать что-то, а не успокаиваться тем, насколько сильно сжалось сердце вслед горестям, переносимым другими.

...За окном, терзаемые холодным ветром, дрожали ветви берёз. Румяные их листья скоро остывали, а ненасытная осень от жадности оставляла одни лишь черенки. Солнце недвусмысленно намекало на скорый закат, и моя гостья за-

собиралась домой. На предложение проводить её, девушка ответила горькой улыбкой. Она была наивна, но не глупа.

Орешек

Завернувшись в цветастый узбекский плат виноградного листа, малиновка бахвалилась клювом перед шиповником, издали, тот был точь-в-точь, как его колючки, – тонкие, длинные, острые. Птица кичилась тем, что может унести клюв с собой, куда пожелает, а куст – напротив, привязан к одному месту, и не может с него сойти ни на шаг.

– Ну, что же, ты права, – Охотно согласился с заряжкой⁶ шиповник, – мне отсюда никуда, но вот деткам, как подрастут, да коли пожелают, – им дорога на все четыре стороны⁷. Захотят – тут, рядышком прорастут, а нет, так держать не стану, – дорожить местом, откуда родом, дано не всякому, но, коли так, не к чему и дрожать.

Хотела было малиновка возразить, да вспомнила случай, что приключился прошлой осенью, когда они с шиповником ещё не были знакомцы. Сидела тогда птица подле ржавой розы⁸, закусывала, и каким-то манером, намеренно, или из озорства, один из орешков⁹ шиповника схоронился промеж перьев на её груди. Неразумное дитя увязалось за малинов-

⁶ малиновка, зарянка (*Erithacus rubecula*)

⁷ возможность располагать собой

⁸ шиповник

⁹ плод шиповника называется «многоорешек»

кой и летело с нею, зажмутив очи, аж до самой Персии¹⁰, но когда разжало, наконец, окоченевшие пальцы, уронив себя в плодородную землю, то так и не проросло.

Не сушило его на слабом огне осеннего солнца, не трепало ветром, мороз не держал подолгу в крепком своём кулаке. Не достало¹¹ орешку всех тех невзгод погоды, с толикой очарования¹² в каждой, коих загодя, по навету, так страшился он. Вот и не хватило ему характеру, потерял себя на чужой стороне. Да и откуда бы сделаться иначе, – всё осталось там, отсель пришёл, а что прихватил с собою, – развеяно по ветру.

Загрустила малиновка, подозвала к себе деток, обвела их дерзким¹³ взглядом, и произнесла:

– Лететь нам с вами далёко, через красивые места в сытый край, но каждый год, едва дождавшись окончания зимы, возвращаемся мы к отчему дому, где растим детей. Не из любви к странствиям, не от вольности¹⁴, но от того, что питает нас родная земля духом своим и отвагой. Кем бы мы были без неё? Так, семечком, залетевшим ниоткуда и пропавшим в никуда.

¹⁰ Иран, до 1932 года – Персия

¹¹ доставаться

¹² колдовство, волшебство, чарующая, притягательная сила

¹³ вызывающе смелый, пренебрегающий опасностью, возможным сопротивлением, противодействием

¹⁴ распущенность

А что ж шиповник? Не истратив времени на единый орешек, не убережёт он и прочих. Точит копыя колючек для себя одного, не заботясь больше ни о ком.

Пора

Ветер цыкает на деревья, страшая лихостью, и с ломким шуршанием, лопаясь, да хрустя черешками, скатываются листья на землю кубарем, а иные – сторожко¹⁵, ощупью, цепляясь за стволы, стекают по ним тихими слезами по ним.

Перед тем, как сгинуть навек, листва стремится нарядиться пёстро и ярко, до того, чтобы аж рябило в глазах, дабы задержался её отпечаток в авоське сетчатки или промеж страниц томика стихов, – сухим, истёртым до прозрачности листом, на полке у кроткой краткой памяти. Блеск дрожащих на ветру морщинистых ладоней дуба, перламутр небес в золотой оправе берёз, – не сравнятся с негативом зимних картин. Медальоны луж с букетом кленовых листов посередине, пугают солнечным сиянием своим. Ревнив, завистлив, хотя и сам пригож, – не от того ли так буен бывает снегопад, обилён не потому ль?

Каждое последующее время года умаляет предыдущее. Умоляя о внимании к себе, стыдит и хает прошлое, сомневается в грядущем. И всё это вместо того, чтобы насладиться тем куском пирога, что достался ему.

Прозрачен солнечный день осени, насуплен – пасмурный

¹⁵ осторожно

зимний, по чину холоден и надменен весенний, а летний стремительно страстен, но каждый из них звенит колокольчиком надо ухом, взыскуя:

– Пора! Пора! – То ли пробудиться пришло время, то ли так они толкуют о себе.

Пусто или?..

Если человеку нечего терять – он пуст. Ибо свободен от опасений любви и зависимости от страха. Он – тот самый пресловутый Некто, которого не делает узнаваемым даже столь частое упоминание о нём.

– Он, вроде, был тут... недавно, – морща лоб, чтобы вспомнить, говорит один.

– Я встречался с ним, – кивает головой другой, но где и при каких обстоятельствах, во что был одет, рост, цвет глаз и волос, – вспомнить не в состоянии, ибо Некто многолик, и от того неуловим.

Бахвалясь неимением дорогого за душой, этот ускользающий ото всех тип, признаётся в неспособности испытывать не имеющих дна чувств, не подозревая о том, что истинные и на мелководье не теряют своих черт. Коснувшиеся семечком чертополоха, царапнувшие по сердцу невесомым крылом бабочки, – любые хороши.

– Иные заняты по всю судьбу притворством, только бы не

улучили в том, что они бесчувственны, и стыдятся, поелику¹⁶ понимают – как оно... Не может так-то быть с человеком, или случается, по всей вероятности, но не должно ж.

– Поелику?! Не смей меня!

– Так я и не смеюсь, невесело это вовсе.

– Теперь так не изъясняются!

– Ведаю. Знаю. Сперва теряют слова, после – чувства...

– Не говори ерунды! Времена меняются, и люди вместе с ними.

– Да что ж это за люди такие, если их способно изменить то, чего не существует?!

– Когда время приближается близко, и ставит на землю авоськи со всем привнесённым, дабы передохнуть, остаётся лишь то, что у человека за душой.

– И что там?!

– Или пусто, или нет...

Открытка

– У тебя какой-то странный, чудаковатый принтер.

– Нет у меня принтера.

– А это что за бумажка?

Я гляжу на жёлтый, осенний листок рукописи, отпечатанной на машинке сорок с лишним лет назад, пробитый чуть ли не насквозь буквой «ё», и испещрённый надкусанными

¹⁶ так как

публиками «о». Я хорошо помню холод металла рычага каретки, тихий трамвайный звон ограничителя и вкусный запах копировальной ленты, которую, по бедности, приходилось вертеть и так, и эдак, используя её всю, до состояния узкого чёрного кружева.

В детстве, той всеильной, бездонной и неограниченной ничем порой, мне очень хотелось видеть вокруг только радостных людей. Сперва казалось, что одной моей улыбки навстречу хватит, чтобы им захотелось сделать в ответ тоже самое. Спустя время, когда этого оказалось недостаточно, я вспомнил о том, что люди обыкновенно радуются, получая письма. И, отбивая пальцы полукруглыми мелкими кнопками трофейной печатной машинки, доставшейся от деда, я принялся писать на открытках добрые пожелания, разные для каждого, чтобы после разложить их по почтовым ящикам.

Мне нравилось наблюдать из-за дерева у подъезда, как менялось лицо очередного адресата, когда из газеты к его ногам падала открытка, получить которую он никак не ожидал. Человек удивлялся, хмурился, смотрел по сторонам, в надежде застигнуть того, кто опустил её ящик, а потом принимался читать. Хорошо было видно, как светились лучиками морщин глаза, как задорно, словно пушистые гусеницы, шевелились усы мужчин ... Кто-то из них смущённо произносил: «Чертова!», с ударением на последнее «а», иные даже сме-

ались до слёз. Женщины же чаще всего смущались, словно школьницы, получившие измятую в потном кулаке записку от мальчишки с последней парты. Глядя на них, казалось, что они всю жизнь проводят в ожидании чудес, и готовы к их появлению в любой момент.

Моя затея по насаждению радости продолжалась до той поры, пока въедливый неприятный сосед не пожаловался однажды матери на «подозрительную деятельность» её отпрыска, «распространяющего листовки с сомнительным содержанием».

Выйдя из угла с опухшими глазами и красным сидалищем, я понял, – для того, чтобы осчастливить человечество, нужно искать иной путь. Если я рассчитываю дать людям средство обрести счастье, то искомое следует обёртывать в привычное всякому, каждому – особо, чтобы не спугнуть. Но вот отчего это так, я разобраться, всё равно, не мог.

Совсем недавно, с большим трудом разучив слёзы и огорчение, вокруг себя я находил сотни причин для радости. Мне казалось, что прочие проходят мимо причин своего счастья, не замечая его лишь по рассеянности, но, стоит им указать на них, как само солнце выглянет из-за туч, чтобы узнать, отчего так светло вокруг.

Детство. Где-то там, в его многочисленных пелёнках, запуталась упрямая буква «ё» и своенравное «о», что, пропе-

чатываясь наполовину, казалось следами подков крошечной лошади, которая, проскакав по строкам подписанных мной открыток, умчалась вперёд, в ту сторону, где живёт счастье. Одно, большое счастье для всех, и его там очень просто найти.

Никогда не...

Памяти Сергея Непрокина

На сердце пасмурно. Осень, а я вспоминаю начало января. Новый Год прошёл мимо, как нелепо одетый прохожий. Не было привычного предвкушения чудес. Всё вокруг казалось тоскливым, тесным, обыденным. День почти что не уступал ночи, он был так же мрачен, как и она. После беглого взгляда, – что там, за окном, хотелось задёрнуть шторы, включить весь свет, зажечь все свечи, которые отыщутся в доме, – только бы отодвинуть от себя этот полог грустных конечных сумерек.

Внезапно, но тихо и определённо вежливо, на подоконнике зазвонил телефон:

– Мне плохо, температура под сорок.

Оказалось, что он совершенно один, не дома, а за городом, ухаживает за котом и собакой приятеля, который уехал на праздники, и до ближайших соседей – триста метров, которых ему не одолеть.

Знакомые годами, мы сдружились именно в тот рожде-

ственный сочельник, поддерживая друг друга издали.

– Прости, что беспокою, – искренне сокрушался он каждый раз.

– Да ты о чём?! – Возмущалась и, в тот же час, восхищалась я.

...Я помню его мягкий голос и шелест дыхания, что пробивался сквозь нежилое эхо больничного коридора...

Он любил глядеть, как над Прагой взлетают самолёты. Он на них не посмотрит больше, а это значит, что они никогда не полетят.

Награда

Нос к носу – бабочка и рыба. Одна дрожит от вожделения, желая насытиться, продрогла в осенней воде до зевоты, а другая, стараясь выбраться, пытается сорвать с себя липкую пелену влаги, трепещет от омерзения и страха.

Рыба недолго смотрит на опутанную прозрачными ремнями жертву, на то, как вытягиваются широкие, будто резиновые бинты водных полос, и чуть не лопаются от натуги, наполненные страхом, коричневые капли глаз мотылька. Солнце всё реже оглядывается на землю, вода в пруду холоднее с каждым днём. Рыба более, чем голодна, а на то, чтобы пережить долгую зиму, ей нужно заручиться поддержкой многих ...таких же бабочек. «Ну, ладно, одной больше, од-

ной меньше», – решает рыба и вместо того, чтобы проглотить столь желанную, доступную и измученную добычу, воровато оглядывается на своих краснопёрых товарок, у которых перед тем выменяла бабочку на пару снулых ос, и подталкивает её осторожно к листу кувшинки.

Ощутив под ногами увёртливую ненадёжную мель, бабочка поскальзывается, чуть не оказавшись в воде вновь, но рыба, взявшись за доброе дело, не может позволить ему не свершиться, и толкает носом мотылька ещё раз, но чуть сильнее прежнего.

Немного спустя, обсохнув и отдышавшись слегка, бабочка выбирается на берег, и по пути сталкивает в воду горсть замёрзших ночью ос, которые напрасно искали убежища среди холодных камней на берегу. Мотылёк расплатился за своё спасение сполна, а вольно или невольно? Ни у кого не было на то расчёта.

Совершая нечто, следуя порывам сердца, не ожидай награды, и ты непременно получишь её. Быть может не теперь, а после, но много более, чем нежданна, будет она сладка.

Не видать...

С листьями наперегонки, дрозды падают вниз. Они, безусловно, весомее, но также лёгок и витиеват их полёт. Подниматься, то да, было бы труднее.

Вазы виноградных листьев и розетки калины полны ягод, лещина¹⁷ неаккуратно обронила калёные орехи в косматую

¹⁷ орешник

траву, не снимая обёртки, а рябина¹⁸ дразнит своими при-
творными оранжево-красными яблочками.

Румянец коснулся и сухих щёк деревьев. Солнцу было грустно наблюдать, как, ветру в угоду, он скоро теряется, блекнет, спадает с полных гладких лиц. Чуть ли не разом. Так, что вдруг становится видно небо. Раздетые донага стволы жмутся друг к дружке, отвыкшие от своей неприкрытой ничем наружности и нечистой морщинистой кожи, с обжиг-
тыми синицами да белками язвами пустот.

Рогатины ветвей немедля занимают пауки, и плетут неза-
метные мелкие сетки, что на фоне растянутого задника небо-
свода кажутся не более, чем плёнкой на воде. Сразу не раз-
глядеть.

И где-то там, далеко-далеко, куда неустанно рвётся серд-
це, плещется в широкой каменной чаше море, да бледный,
обветренный бризом берег, беззвучно шевелит холодными
губами камней. Солнцу не хватает духу согреть их, и заби-
раясь под тёплое одеяло горизонта, оно пристрастно стыдит
тех, которые ближе к нему, а прочим не достаётся и того.

Сквозь дождь из листьев за окном, представляется, как
идёшь по этим камням к прозрачному от холодности морю.
Оно пенится едва, сберегая силы для грядущего послушания
несдержанному норд-осту, и медленно переступает по мел-
ководью, наивно приподнимая подол тонкой прозрачной со-

¹⁸ плод рябины – ложный, яблокообразный

рочки, чтобы не измочить её раньше срока.

...С листьями наперегонки, дрозды падают вниз, легко и беззаботно. Неисчислимая россыпь ягод на рябине даёт повод не трудиться улетать. Не видать дроздам моря этой зимой, не видать...

Ещё немного

Заметив нечто блестящее под сосной, я подумал, что это золотисто-оранжевый новогодний шар, который обронил в траву ещё в Рождественский сочельник, да тогда же и позабыл про него. Приглядевшись внимательнее, мне почудилось, будто бы он шевелится, и через пару дуновений ветра, которому в глубине души попенял на видение, разглядел некрупную, долговязую птицу, с головы до пояса сияющую чешуёй частых, словно выкованных перьев. То над пыльным горизонтом блёклой травы, маленьким солнцем замерла малиновка. Подстать светилу, она испускала тёплые лучи цвета, медленно оборачиваясь вокруг себя. Натруженное пением горло, чуть спадало полукруглой складкой воротника на грудь, и от того зарянка казалась намного солиднее, чем была в самом деле.

Ярким, красного золота, облаком у неё над головой, трепетали листья, что ещё удерживались из последних сил на ветвях, волнуясь перед единственным последним полётом, сочувствуя себе неустанно и трудясь над видимостью движе-

ния. С краю поляны неподалёку, пчёлы тормошили пронзительно-жёлтый одуванчик. Соблазнившись его утаённым от лета нектаром, они отгоняли прочь любого, кто оказывался подле, ибо цветок был на всю округу один.

Малиновка давно заметила суету возле одуванчика, но решила не тревожить пчёл, а, зная о том, что осень хлопочет у столов «до последнего гостя», устроилась за самым дальним, под виноградом, с весны облюбованным ею, где и расположилась отдохнуть.

– Желе? Семян? Сока? – Расстилая крахмальную кружевную скатерть листа, тут же подлетела осень.

– Спасибо, я пока посижу так, ко мне должны прийти.

Птица сидела, спокойно и ненадменно шурясь по сторонам. Первый, самый страшный год её жизни, наконец, подходил к концу, а те полтора десятка, что сулило грядущее, обещали быть счастливыми и приятными. И она готова была ещё немного подождать.

Тенью на песке

Опадают золотые блёстки листвы, оставляя неприкрытыми худенькие сутулые плечи деревьев, и долговязые их тени чертят что-то шёпотом на дорожной пыли, не оставляя следов. А осени некогда остановиться, постоять рядом, чтобы послушать, покивать сочувственно головой, да после занести в кудрявую из-за вымокших несколько раз страниц тетрадку. У неё иная забота.

На холсте дня, маслом, разведённой дождевой водой

охрой, темперой на яичном желтке, цветами от канареечного до горчичного, – пишет осень очередной свой портрет. Заглядевшись в зеркало неба, самой тонкой беличьей кисточкой прорисовывает она нежные контуры дальних, осиротевших ветвей, те, которые ближе, пятнами покрупнее, и широкими заметными небрежными мазками всё, что рядом. В этом её намёк на то, что ушедшее, недостижимое уже, мнится приветнее, милее, глаже. А в доступном, ещё близком, ближнем видны шероховатости и огрехи, заусеницы и ссадины, но сама жизнь заметнее, без прикрас и оговорок.

Очарование безупречности – в надежде сокрушить его. Выбившийся из гладкой причёски, локон ценнее всего образа, подчас. Он жив, податлив, зависим от дыхания, шага и дуновения ветра.

Клочком разорванной записки, летит подхваченный ветром белый мотылёк, то осень пыталась записать по памяти начертанное тенью на песке, да как-то всё выходило... не то.

Чтобы было кому сказать...

– Смотри-ка, бабочка! Так забавно полощет крыльями по воде...

– ... тонет она, тонет.

Словно ракушки, мы прячемся в песок вещей и действий, слов и поступков. Думаем, надеемся, что это делает нас на-

стоящими, осязаемыми, реальными и видимыми другими. С такими считаются, так мнится нам, и продолжаем окружать себя ненужным, неважным, сиюминутным. Мы уверены, что не годны для великих дел, для них рождены иные, далёкие, диковинные, непонятные и смешные нам чудачки. И когда те, с наивным лицом и широкой улыбкой, неловкие от смущения и радости, шмыгают носом, заправляют на ходу выбившуюся из брюк рубашку, бегут нам навстречу, чтобы подать руку, придержать дверь... мы не понимаем их ещё больше, ибо сами, будь хоть на четверть как они, не здоровались бы ни с кем.

Сетуя на дождь, не понимаем, что он весОм не в один лишь свой час, но дольше, дальше простираются его холодные влажные руки. А когда принимаем это вдруг, как откровение, что так просто всегда, приходит ещё одно самое главное в жизни. И оно о том, чтобы однажды поутру, буднично, между двумя глотками непременно чёрного чаю, скосив глаза на рассвет за окном, было кому сказать:

– Знаешь, если ты несколько отстраняешься от меня, то я чувствую рану на сердце там, в той стороне, куда ты ушёл, и как течёт из неё, в сырую землю, – то ли кровь, то ли берёзовый сок.

Sapienti sat¹⁹

Дождь сыпет горсти зёрен на подоконник, манит птиц, а

¹⁹ для понимающего достаточно

те сидят, забившись под крышу, и ни в какую не идут. Мок-
рые носы холодны и блестят²⁰ опалом, но надолго ли, как
знать. Лишь только дождь прекращает являть свою чрезмер-
ную щедрость и солнце раздвигает шторы облаков, птицы
выбираются на простор. Приходит их черёд собирать непра-
ведную, но сытную дань с нерасторопных ос, медлительных
улиток и зазевавшихся, зудящих безтолку²¹ мух. А после,
птицы принимаются ловить в пальцы крыл яркий орнамент
света, каждый его завиток, так, впрок, чтобы было чем за-
нять себя долгой зимой.

Ёршик сосны излишне старательно оттирает последние
краски лета, и не успевает переодеться, тщится после спря-
тать неуместный свой наряд под иным, подходящим грядущему
времени года, но скоро бросает эту затею, оставив под-
ле стопки ржавых игл и калку коры, по которой кроил.

Выдох-вдох, выдох-вдох... Слышатся будто морской при-
бой, да откуда бы взяться ему здесь. Декорации, расставлен-
ные весной, ветшают, стирается позолота листвы. Уже по-
чти готовы к зиме натёртые до прозрачности стёкла недви-
жных вод, ржаные косы трав убраны полупрозрачными лента-
ми рек. Расчёсанные ветром, они гладки, словно бы перед
праздником, а грузная влажная пыль дорог глядится в серые
очи грозного седого неба и всё тянется, тянется к нему на-
встречу...

²⁰ клюв гладкий и блестящий у здоровых птиц

²¹ Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940

Листья клёна, опутанные чертополохом междупутья, будто бы жёлтые звёзды на ватной телогрейке земли.

Умному достаточно, не так ли? А прочим не объяснить...

Недаром

Едва прозвенел звонок, и все расселись по своим местам, как дверь класса распахнулась и с порога раздалось требовательное:

– Григорь Иваныч, Свету позовите, поговорить надо.

Учитель истории попытался было возразить, что урок только начался, но проситель красноречиво блеснул топором, выпростав его из-под полы пиджака.

Лицо преподавателя, в тон рубашки, побелело, и, испуганно оглядев класс, он замахал на меня руками:

– Иди, иди, слышишь же, тебя зовут.

Мне ничего не оставалось делать, как, прихватив портфель, выйти вон.

Прикрывая за собой дверь, было видно, как Григорий Иванович сползает по стулу и опускает голову на руки. Каюсь, мне не было его жаль, юность жестока и предвзята. Странной показалась лишь реакция учителя. Каким бы он ни был человеком, но педагогов, плохих и хороших, мы уважали хотя бы за то, что они тратят свои жизни, в сотысячный раз объясняя нам, недорослям, очередное правило. Каждый раз – как в первый, с жаром в душе, с интересом, с большой долей искренней зависти, что мы чего-то не ведали ещё се-

кунду назад, а теперь узнали. Это же так чудесно – новое! Хороший учитель находился в постоянном поиске ответной радости в наших глазах, а плохой...

К примеру, я имела склонность к математике, но с первым педагогом по предмету жутко не повезло. Крикливая, круглая и краснощёкая, как матрёшка, она вопила всем школьникам, без разбору, что они «двоечники и колышники», и при этом больно долбила костяшками кулака каждому по голове, ни разу даже не попытавшись объяснить тему урока. Она просто-напросто называла, какие страницы учебника нужно прочесть, и ходила по рядам, распаяясь от нашей тупости. С родителями матрёшка вела себя более-менее покладисто, жалела их из-за нашей очевидной недоразвитости, но, в общем, производила впечатление человека, который вымещает своё недовольство жизнью на окружающих. И всё же, я обожала математику, но от визгов учительницы как-то очень скоро тупела, и потому была чрезвычайно рада, когда надменная на вид преподавательница из параллели... выменяла меня у неё на двух зубрил, которых не трогала музыка формул. Не знаю, как и чем объяснить этот поступок, но по сию пору с удовольствием и благодарностью вспоминаю того учителя, и то восхитительное чувство погружения в мир неисчислимых вычислений. Убаюканная на волнах радости правильных решений, поиска верного пути из лабиринта логических умозаключений, сталкиваясь в школьном коридоре с матрёшкой, я вздрагивала от непритворной гадливости.

Ну, что ж, – юность богата и на верные, нелицемерные реакции. Ловко притворяться мы научаемся много позже.

Но что же наша история... Возвращаясь к ней, я могу рассказать о том, что, скоро сообразив, насколько плохо учитель знаком с предметом, я готовилась специально к каждому уроку дополнительно, дабы уязвить преподавателя своими познаниями. Григорий Иванович часто не мог справиться с «юной хамкой», злился, некрасиво краснел и терялся под напором исторических изысков, да сторонних толкований на каждом уроке. Чего я добивалась? Не знаю. Быть может, искры интереса к предмету, без которого было скучно зубрить безликие даты и названия. Увы, мной руководили лишь дух противоречия и соперничества, но не подвиг познания.

Наши отношения с педагогом мало изменились даже после летних каникул, когда Григорий Иванович и я случайно встретились в Феодосии.

Помню, как шла по влажному городу. Тяжёлый рюкзак так давил на плечи, что не было особой возможности любоваться окрестностями. Где-то в стороне оставались, не обласканные взглядом стены домов в сплошной татуировке виноградной лозы, под ногами пружинил горячий, местами втянутый пупок асфальта. Несколько глотков молока с бубликом за пяточок и пригоршня ягод в компании вездесущих голубей под десятиметровым тутовником, утолили отчасти мою

усталость. Захотелось осмотреться, найти ближайший вход в печально известные катакомбы, но вместо этого я столкнулась нос к носу с учителем. Он был задумчив, грустен, даже симпатичен, но, увидев меня, разом подурнел. Подозрительно поинтересовавшись зачем я здесь, и, не дослушав ответа, Григорий Иванович, словно опасаясь преследования, бежал прочь.

Много позже и совершенно неожиданно выяснилось, что Григорий Иванович воевал в тех метях. Был ли он там в составе десанта Красной Армии первые три недели января 1942 года²², или участвовал в боях под Феодосией, когда, в ходе общего наступления, город был окончательно освобождён к середине апреля 1944 года²³, – неизвестно. Григорий Иванович никогда не рассказывал об этом, но каждое лето ездил в Феодосию и бродил там в одиночестве, словно пытаясь найти ответ на измучивший его вопрос, – почему он уцелел. Почему уцелел именно он.

...Закрыв за собой дверь класса, я строго поинтересовалась:

– Ну, и зачем?

– Да... так, поговорить...

²² Керченско-Феодосийская десантная операция, 26 декабря 1941 – 2 января 1942

²³ 13 апреля 1944 года

– А топор для чего?

– Чтобы попугать!

– Ну... и?

– Испугался! А ещё фронтовик... – Самодовольно встряхнул грязными волосами подросток, потрясая дланью²⁴, с наколкой «СВЕТА» на все пальцы.

– Ну, ладно, пошли, поговорим.

Если бы Григорий Иванович не прятал стыдливо маленький зеленоватый якорь на запястье под длинным рукавом пиджака, а вместо того, чтобы читать нам вслух по учебнику, хоть раз рассказал о погибших товарищах, о ржавой пене в полосе приборя... в реки крови обратил бы красную краску направлений боёв на карте... Летел бы с лестницы этот мелкий уголовник, вместе со своим плотницким инструментом. Рука-то у меня была, ох, какая тяжёлая, недаром так боялись пацаны...

Придурковатая чудачка

Ветви клёна поникли, грустно глядят они вослед улетающим стайкам весёлых листочков. Все, как один: жёлтые сафаны в чёрный горох, розовая чёлка, черешок мундштука... Ох, молодость, молодость...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.